

03.04.2014

Интервью с академиком Российской академии наук В.А. Васильевым

А.В. Шевкин. Виктор Анатольевич, Вы академик Российской академии наук, действующий ученый и преподаватель — то есть человек весьма занятой. Почему Вы посчитали важным и нужным потратить несколько лет своей жизни на руководство экспертизой и на экспертизу школьных учебников математики для Министерства образования и науки?

В.А. Васильев. Эта работа началась с 2005 года. А у меня незадолго до того пошли в школу младшие дети — 95 и 96 года рождения. Вот я посмотрел, что творится, и понял, что надо с этим что-то делать. Конечно, квалификация академика для оценки правильности школьного учебника более чем чрезмерна, но зато было понятно, что наплевать на мое мнение будет не очень просто, и, может быть, это последняя возможность остановить эту стихию.

А.Ш. Поскольку я имел опыт работы в Экспертном совете Министерства образования много лет назад, писал рецензии на учебники, то знаю, насколько это хлопотное и конфликтное дело. Помню, как после обсуждения рецензий (одна из которых была моя) Экспертный совет не рекомендовал к использованию в школе учебники для 5-6 классов М.Б. Воловича. А через некоторое время мы узнали, что министерство рекомендовало его учебники как соответствующие авторской концепции, то есть не программе, не федеральному компоненту и т. п., а именно системе взглядов автора на преподавание математики. Не думаю, что тот, кто перечеркнул решение Экспертного совета, действовал бескорыстно. Но это было давно. А как теперь? Всегда ли министерство считалось с мнениями экспертов?

В.В. По правилам, решение двух комиссий — РАН и РАО — является решающим: для включения учебника в перечень необходимо и достаточно одобрения обеих этих комиссий. В самом начале этой деятельности, в 2006 году, был неприятный случай: 7 или 8 наших отрицательных заключений (содержащих указания на многие десятки прямых ошибок в каждом из этих учебников) по дороге к столу министра волшебным образом превратились в положительные. Я узнал об этом в кулуарном разговоре за 10 минут до выступления на большой учительской конференции в Брянске и немедленно предал гласности. В возникшем конфликте разбирался один из замминистров, который сам перепроверил эти замечания и поразился: какие дураки, оказывается, встречаются среди авторов учебников. В результате к нашей работе стали относиться всерьез. Кроме того, по-видимому, в течение следующих нескольких лет издатели и другие лоббисты учебников низкого качества находились в растерянности и не могли найти действенных средств борьбы с нашими заключениями и их последствиями. (Там было всякое: издатели пытались вычислить рецензентов, находили и подсылали общих знакомых, писали кляузы на самый верх, угрожали исками, некоторые руководители издательств предлагали мне возглавить проекты по созданию серии учебников... Кстати, звонили мне и по поводу учебников Воловича, звонил уважаемый и влиятельный человек, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю свой ответ.) Но в последние несколько лет они, видимо, оправились от замешательства и нашли разнообразные способы давить как на руководство общей комиссии РАН, так и на другие инстанции, способные превратить отрицательное заключение в положительное. О некоторых последствиях этого я написал в <http://atlmrf.livejournal.com/11075.html>.

А.Ш. Когда-то в школе было 5 комплектов учебников (математика, 5-6; алгебра 7-9; геометрия, 7-9; алгебра и начала анализа, 10-11, геометрия, 10-11, если пользоваться современной нумерацией классов). После жёсткой критики реформы математического образования в 1980 г. были изданы «параллельные» учебники. После всесоюзного конкурса учебников 1988 г. в школы допустили третью параллель. Добавим сюда ещё учебники для классов с углублённым изучением математики. Но это было обозримое количество учебников. В 2002 и в 2006 годах в федеральном комплекте было уже 33 и 44 комплекта учебников соответственно. На 2014/2015 учебный год в федеральный перечень включено 53 комплекта учебников математики. Как Вы считаете, что является главной питательной почвой для роста числа комплектов учебников? И ещё, оказывало ли министерство какое-либо сдерживающее влияние на этот рост?

В.В. Естественно, это финансовые интересы издательств. Каждое издательство, заявляющее себя как игрока на этом рынке, считает себя обязанным иметь хотя бы одну полную линию по всем предметам. Если бы при этом дальнейшая судьба учебников определялась естественным отбором, то есть интересами детей, это бы было само по себе не так страшно. Но действительно хороших учебников мало, и в школу очень часто попадают учебники плохие. Особого разговора заслуживают способы влиять на выбор учебников учителями и администрацией, но этот увлекательный сюжет мне недостаточно знаком.

Нельзя сказать, что министерство никак не противилось этому напору, ведь и создание академических комиссий произошло при его непосредственном участии. Однако слишком часто в конфликтных ситуациях, требующих ответственного решения, высшие инстанции предпочитают изображать как бы принципиальность, но такого свойства, чтобы не обидеть ни одну из влиятельных действующих сторон. В результате расплачивается наименее влиятельная сторона, то есть дети. Способы такой симулятивной требовательности хорошо известны и универсальны, простейшим из них является забюрокративание и накрутка формальных требований по оформлению и процедуре. Это же мы видим и в работе ВАК, патологическая неспособность которой к принятию принципиальных решений на сколько-нибудь серьезном уровне сейчас стала всем видна благодаря замечательной работе «Диссернета».

А.Ш. Есть ещё одна важная проблема, над которой я думаю после прочтения короткого текста академика В.И. Арнольда «О печальной судьбе "академических" учебников».

http://www.mcccme.ru/edu/index.php?ikey=viarn_akad-uch

Подспудная мысль этого текста для меня звучит так: «Лучше бы академики не писали школьных учебников, так как ничего хорошего из этого выйти не может». Возможно, это мое предвзятое толкование, так как я сам являюсь соавтором учебников, родоначальником которых был академик С.М. Никольский. Вопрос: сложилось ли у Вас представление о качестве учебников, написанных с участием академиков? Полезно ли для школы участие академиков в учебниках для школы?

В.В. По моим наблюдениям, лучшие учебники, как правило, пишутся коллективами авторов, в которых есть и настоящие математики, и опытные учителя, понимающие, в каком возрасте, что и как воспринимается детьми. Существенное участие образованных математиков необходимо для кругозора, для понимания перспектив, истоков и взаимосвязей в проходимом материале. Когда этого нет, даже в учебниках самых профессиональных и добросовестных методистов, при всех педагогических достоинствах учебника, возникает уклон в обрядовость, в ущерб пониманию высшего смысла. Например, учебники Атанасяна и Макарычева, они далеко не из худших, но все же...

Конечно, при этом наличие именно академического звания у автора-математика не играет большой роли: ведь такого звания не было ни у Виленкина, ни у Шарыгина, ни у Дорофеева, а Прасолов так вообще не защитил даже кандидатской диссертации, так как его руководитель в аспирантуре именно тогда радикально съехал в ниспровержение мировой хронологии.

Да, с академическим званием (которое в этом смысле сходно, например, с высокой административной должностью) связаны (по крайней мере, были связаны в прошлом: про наступающие времена можно только гадать) дополнительные пробивные возможности, иногда позволяющие опубликовать недоделанный или аргументированно критикуемый учебник. Что тут сказать? Бывают неприятные явления, типа педагогических генералов, участвующих в авторских коллективах учебников самого разного сорта и качества, между которыми не удается найти ничего похожего. Или использования почтенного имени в качестве тарана, так что порою даже замминистрам приходится разбираться в деталях, не к большой чести для этого имени... Но это все как обычно, и в конечном итоге все зависит от конкретных действующих лиц.

А.Ш. Виктор Анатольевич, есть ещё один вопрос, который никак нельзя обойти, говоря об учебниках. В последнее время стало модным упрекать советскую школу в увлечении фундаментальностью школьного курса математики. Например, министр образования и науки А. Фурсенко в своё время говорил, что «недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». Ему же принадлежат перлы: «Я не изучал в школе высшую математику, и при этом не дурее других» и «Математика убивает креативность». Каково Ваше отношение к фундаментальности школьного курса математики? Она нужна или уже нет?

В.В. Нужна или нет – это зависит от конечной цели, определение которой и есть самый сложный вопрос. На мой вкус, настоящая цель общего образования определяется одним, хотя и достаточно емким словом – одухотворение. Одухотворение человека, как осознание им своего единства с этим прекрасным и поразительным миром (а это невозможно без искреннего интереса к тому, как этот мир устроен, и понимания его глубочайшего внутреннего единства), как чувство своей ответственности за него. Школьное время здесь – ключевой момент: помните, как пронзительно описывается первый шаг этого открытия в начале книги «Вино из одуванчиков»? Человек, прошедший мимо этого открытия, проживший жизнь не более чем квалифицированным потребителем, — несчастное существо, как правило, само не понимающее своего несчастья. И математическое воспитание здесь очень важно, не только как набор фактов и ключ к методам познания природы, но и как навык правильно рассуждать и делать выводы, не нести чуши самому и отторгать чушь, произносимую другими. Но, конечно, именно ориентация на потребительство устраивает большинство начальства во всем мире, потому что от умников и вообще от живых людей слишком много беспокойства. Эта ориентация напоминает известную сельскохозяйственную практику, надежно избавляющую от излишнего интереса к жизни и активности. С точки зрения мясомолочного производства так, наверное, и нужно делать, но должны ли мы и в человеческом обществе исходить только из предпочтений такого сорта, или пробуждение души человеческой также можно считать одной из целей?

А по поводу математики, убивающей креативность, и вообще потребительской философии в образовании, я даже написал микропьесу «Компетентностная трагедия». Там, правда, встречаются разные нехорошие слова, но дело в том, что это реальная лексика из споров, которые современные митрофанушки ведут в сети, отстаивая свое священное право не подняться выше нынешнего уровня.

С другой стороны, вряд ли надо лишний раз подчеркивать, что умеючи можно и фундаментальное образование организовать так, чтобы ничего не дать, кроме отвращения к науке и учению.

А.Ш. В настоящее время в связи с украинскими событиями Россия рискует оказаться в политической и экономической изоляции. Прежней изоляции вроде «железного занавеса» быть уже не может, но потребуются большая независимость России от поставок продуктов, медикаментов, техники и пр. из-за рубежа. То есть потребуются больше и разнообразнее производить в стране. В том числе и научной и высокотехнологичной продукции. На мой взгляд, жизнь заставляет руководство страны считаться с тем, что «США собираются развиваться против России, за счёт России и на развалинах России» (З.Бжезинский), оно будет вынуждено «поправить» «реформаторов» образования, один из аргументов которых был таков: много знаний нам уже не нужно, так как есть международное разделение труда. Уже есть первый сигнал. На днях вице-премьер Дмитрий Rogozin заявил, что считает необходимым увеличить в школах количество часов на изучение математики и физики, усилить внимание к естественнонаучному циклу в школе (это несколько противоречит многолетней практике в образовании, закреплённой к тому же в законе и в стандартах).

<http://www.rg.ru/2014/03/28/rogozin.html>

Есть и второй сигнал, почти совпавший с первым во времени. Начато сокращение федерального перечня учебников. Как Вы воспринимаете эти события? Есть ли у Вас надежда на то, что в ближайшее время начнется пересмотр отношения государства к образованию?

В.В. Прежде всего, по-моему, методологически опрометчиво в своих расчетах антропоморфизировать государство, в частности рассматривать его как нечто, способное подобно человеку как-то относиться к образованию или к чему-либо еще. Государство – это не только и не столько высшее руководство, имеющее имена и лица, которые действительно могут как-то к чему-то относиться. Это и огромный разнородный аппарат, реализующий все начинания в соответствии со своими бюрократическими канонами и интересами, и множество ведомственных и региональных феодалов. Возникает впечатление, что эта стихия способна зажевать любую инициативу и найти собственное употребление отпущенным на нее средствам. Развернуть к лучшему ее взаимодействие с образованием – дело в любом случае очень долгое (хотя испортить все можно гораздо быстрее).

Например, в связи с вопросом об учебниках опять вспоминается история с ВАК. Давно понятно, что в некоторых дисциплинах идет огромный вал диссертаций чрезвычайно низкого качества, в большей части ворованных. Была обозначена воля начальства, что этот вал надо сбить. Но при этом упор делался на количество диссертаций (которое может легко подсчитать даже чиновник), а не на качество, за оценкой которого надо лишний раз обращаться к подозрительным грамотеям. В результате проблема была решена методом создания неопишуемого бардака с прохождением

диссертаций, и одновременно целой серии организационных потрясений: переутверждений советов, изменения номенклатуры специальностей, смены регламентов (опять-таки приводившей к необходимости переутверждать советы) и т.п. На какое-то время количество защищаемых диссертаций из-за этого снизилось, о чем можно было гордо отрапортовать, но к повышению их качества это, разумеется, не имеет никакого отношения. Кроме того, снижение таким способом было заведомо временным, но кого это волнует? Кампания прошла, по результатам отчитались – можно расслабиться и переключиться на другую кампанию. Вот и скандальная ситуация с избранием в новые экспертные советы ВАК людей, активно способствовавших созданию и защите фальшивых диссертаций <http://polit.ru/news/2014/02/12/dissertations/> лишним раз подтверждает, что ликвидация этого безобразия не является искренней целью нашего аппарата.

Боюсь, что с заданием уменьшить количество учебников происходит нечто подобное. В частности, большая часть учебников не прошла по формальным причинам, из-за ужесточения понимания дедлайна на представление заявки. Очевидно, это тоже временная отсрочка, и в следующий раз эти же учебники будут присланы в срок. Но опять-таки, кого это волнует? Тогда будет задание бороться с чем-нибудь совсем новым...

Кроме этого, мне очень не нравится новый регламент экспертизы, из-за которого я, собственно, и ушел из этой деятельности (что также описано в <http://atlmrf.livejournal.com/11075.html>). Наверное, этот регламент соответствует какой-то чиновничьей эстетике, их фантазиям о содержании этой работы, но не интересам дела. Ни описанная выше формализация, ни этот регламент экспертизы не гарантируют улучшения качества принимаемых учебников. Например, из-за анекдотического отзыва одного из трех экспертов РАО не прошли лучшие, на мой взгляд, учебники для начальной школы – Б.П.Гейдмана с соавторами. А вот новые учебники О.А.Ивашовой и Н.С.Подходовой, не прошедшие нашу экспертизу, чудесным образом оказались в списке. По чисто формальным причинам не прошли учебники издательства «Мнемозина», в том числе и хорошие, например, Виленкина - Шварцбурда. Вся корреляция с повышением качества, которую я сейчас вижу, достаточно случайна. Поэтому я бы не радовался просто по поводу сокращения количества учебников: вопрос качества гораздо важнее, а с ним дело обстоит намного сомнительнее.

А.Ш. Виктор Анатольевич, благодарю Вас за интервью, за адский труд, который Вы вложили в совершенствование учебников математики для школы.

Источник www.shevkin.ru